

Глава VI. Тридцатые годы. Решающее десятилетие

1. «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» (1929 — 1933)

1. Коллективизация

В докладе Молотова на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК отмечалось: «Вопрос о темпах коллективизации в плане не встает... Остается ноябрь, декабрь, январь, февраль, март — четыре с половиной месяца, в течение которых, если господа империалисты на нас не нападут, мы должны совершить решительный прорыв в области экономики и коллективизации». Решения пленума, в которых прозвучало заявление о том, что «дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в «исторически минимальные сроки», не встретили никакой критики со стороны «правых», признавших свою безоговорочную капитуляцию.

После завершения пленума специальная комиссия, возглавляемая новым наркомом земледелия А.Яковлевым, разработала график коллективизации, утвержденный 5 января 1930 г. после Неоднократных пересмотров и сокращений плановых сроков. На Сокращении сроков настаивало Политбюро. В соответствии с этим графиком Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье (Подлежали «сплошной коллективизации» уже к осени 1930 г. самое позднее к весне 1931 г.), а другие зерновые районы должны были быть полностью коллективизированы на год позже. На остальной территории страны преобладающей формой коллективного ведения хозяйства признавалась артель, как более передовая по сравнению с товариществом по обработке земли. Земля, скот, сельхозтехника в артели обобществлялись.

Другая комиссия во главе с Молотовым занималась решением участи кулаков. 27 декабря Сталин провозгласил переход от Политики ограничения эксплуататорских тенденций кулаков к ликвидации кулачества как класса. Комиссия Молотова разделила кулаков на 3 категории: в первую (63 тыс. хозяйств) вошли кулаки, которые занимались «контрреволюционной деятельностью», во вторую (150 тыс. хозяйств) — кулаки, которые не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись в то же время «в высшей степени эксплуататорами и тем самым содействовали контрреволюции». Кулаки этих двух категорий подлежали аресту и выселению в отдаленные районы страны Сибирь, Казахстан), а их имущество подлежало конфискации. Кулаки третьей категории, признанные «лояльными по отношению к советской власти», осуждались на переселение в пределах областей из мест, где должна была проводиться активизация, на необработанные земли.

В целях успешного проведения коллективизации власти мобилизовали 25 тыс. рабочих из городов, в дополнение к уже направленным ранее в деревню для проведения хлебозаготовок. Как правило, эти новые мобилизованные рекомендовались на посты председателей организуемых колхозов. Целыми бригадами их отправляли по центрам округов, где они вливались в уже существовавшие «штабы коллективизации», состоящие из местных партийных руководителей, милиционеров, начальников гарнизонов и ответственных работников ОГПУ. Штабам вменялось в обязанность следить за неукоснительным выполнением графика коллективизации, установленного местным партийным комитетом: к определенному числу требовалось коллективизировать заданный процент хозяйств. Члены отрядов разъезжали по деревням, созывали общее собрание и, перемежая угрозы всякого рода посулами, применяя различные способы давления (аресты «зачинщиков», прекращение продовольственного и промтоварного снабжения), пытались склонить крестьян к вступлению в колхоз. И если только незначительная часть крестьян, поддавшись на уговоры и угрозы, записывалась в колхоз, «то коллективизированным на 100%» объявлялось все село.

Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым непротивлением властей и бесполезность всякого сопротивления. Проводилось оно специ-

альными комиссиями под надзором «троек», состоящих из первого секретаря партийного комитета, председателя исполнительного комитета и руководителя местного отдела ПТУ. Составлением списков кулаков первой категории занимался исключительно местный отдел ПТУ. Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учетом «рекомендаций» деревенских активистов и комитетов деревенской бедноты, что открывало широкую дорогу разного рода злоупотреблениям и сведению старых счетов. Кого отнести к кулакам? Кулак второй или третьей категории? Прежние критерии, над разработкой которых в предыдущие годы трудились партийные идеологи и экономисты, уже не годились. В течение предыдущего года произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и к доносам.

В итоге раскулачиванию подверглись десятки тысяч середняков. В некоторых районах от 80 до 90% крестьян-середняков были раскулачены как «подкулачники». Их основная вина состояла в том, что они уклонялись от коллективизации. Сопротивление в больших станицах Украины, Северного Кавказа и Дона было более активным, чем в небольших деревнях Центральной России, и туда даже были введены войска. Количество выселенных, согласно официальной статистике, долгое время определялось цифрой в 240747 семей (или около 1,2 млн. человек). Более современные советские источники называют цифру в 1 млн. раскулаченных семей (или приблизительно 5 млн. человек).

Одновременно с «ликвидацией кулачества как класса» невиданными темпами разворачивалась сама коллективизация. Каждую декаду в газетах публиковались данные о коллективизированных хозяйствах в процентах: 7,3% на 1 октября 1929 г.; 13,2% на 1 декабря; 20,1% на 1 января 1930 г.; 34,7% на 1 февраля, 50% на 20 февраля; 58,6% на 1 марта... Эти проценты, раздуваемые местными властями из желания продемонстрировать руководящим инстанциям выполнение плана, в действительности ничего не означали. Большинство колхозов существовали лишь на бумаге. Результатом этих процентных побед стала полная и длительная дезорганизация сельскохозяйственного производства. Угроза коллективизации побуждала крестьян забивать скот (поголовье крупного рогатого скота уменьшилось ;на четверть в период между 1928— 1930 гг.). Нехватка семян для весеннего сева, вызванная конфискацией зерна, предвещала катастрофические последствия.

В своей статье «Головокружение от успехов», появившейся 21 марта 1930 г. Сталин осудил многочисленные случаи нарушения 1 принципа добровольности при организации колхозов, «чиновничье декретирование колхозного движения». Он критиковал излишнюю «ретивость» в деле раскулачивания, жертвами которого стали многие середняки. Обобществлению часто подвергался мелкий скот, птица, инвентарь, постройки. Необходимо было остановить это «головокружение от успехов» и покончить с «бумажными колхозами, которых еще нет в действительности, но о существовании которых имеется куча хвастливых резолюций». В статье, однако, абсолютно отсутствовала самокритика, а вся ответственность за допущенные ошибки возлагалась на местное руководство. Ни в коей мере не вставал вопрос о пересмотре самого принципа коллективизации. Эффект от статьи, вслед за которой 14 марта появилось постановление ЦК «О борьбе против искривления партлинии в колхозном движении», сказался немедленно. Пока местные партийные кадры пребывали в полном смятении, начался массовый выход крестьян из колхозов (только в марте 5 млн. человек). К 1 июля коллективизированными оставались не более 5,5 млн. крестьянских хозяйств (21% общего числа крестьян), или почти в 3 раза меньше, чем на 1 марта.

Возобновленная с новой силой к осени 1930 г. кампания хлебозаготовок способствовала росту напряженности, временно спавшей весной. Исключительно благоприятные погодные условия 1930 г. позволили собрать великолепный урожай в 83,5 млн. т (на 20% больше, чем в предыдущем году). Хлебозаготовки, осуществляемые проверенными методами, принесли Государству 22 млн. т. зерна, или в два раза больше, чем удавалось получить в последние годы нэпа. Эти результаты, достигнуто на самом деле ценой огромных поборов с колхозов (доходивших до 50— 60% и даже до 70% урожая в самых плодородных районах, например на Украине), могли только побуж-

доть власти к продолжению политики коллективизации. На крестьян снова различными способами оказывалось давление: районы, сопротивлявшиеся коллективизации, отстранялись от промтоварного снабжения; колхозам отдавались не только конфискованные кулацкие земли, но и все пастбища и леса, находившиеся в общем пользовании крестьян; наконец, прокатилась новая волна раскулачивания, охватившая на Украине 12 — 15% крестьянских хозяйств. Реакция крестьян на этот грабеж среди бела дня была ожесточенной: во время хлебозаготовок 1930— 1931 гг. отделы ПТУ регистрировали десятки тысяч случаев поджогов колхозных построек. Несмотря на это, к 1 июля 1931 г. процент коллективизированных хозяйств вернулся к уровню 1 марта 1930 г. (57,5%).

Отобранное у крестьян зерно предназначалось для вывоза, преимущественно в Германию. Эта страна обязалась в рамках торгового германо-советского соглашения, подписанного в апреле 1931 г., предоставить Советскому Союзу значительные кредиты (более 1 млрд. марок). В обмен на необходимую для индустриализации технику (с 1931 по 1936 г. половина всей ввозимой в СССР техники была немецкого происхождения) советская сторона брала обязательства снабжать Германию сельскохозяйственным сырьем и золотом. Добыча этого металла с начала 30-х годов достигла небывалых размеров, прежде всего на Колыме и в районах Крайнего Севера, где в качестве рабочей силы использовались заключенные — в основном раскулаченные крестьяне.

К концу лета 1931 г. хлебозаготовки начали давать сбои: снизились поступления зерновых. Власти решили направить в деревню 50 тыс. новых уполномоченных в качестве подкрепления местному аппарату. Из-за неурожая в восточных районах страны особенно суровому обложению подвергли Украину. Тысячи колхозов остались полностью без кормов и почти без семян. Несмотря на очень посредственный урожай (69 млн. т), во время хлебозаготовок было изъято рекордное количество зерна (22,8 млн. т), из них 5 млн. т пошли на экспорт в обмен на технику. Насильственное изъятие одной трети (а в некоторых колхозах до 80%) урожая могло лишь окончательно расстроить производственный цикл. Уместно напомнить, что при нэпе крестьяне продавали всего от 15 до 20% урожая, оставляя 12— 15% на семена, 25 — 30% — на корм скоту, а остальные 30 — 35% — для собственного потребления. Правительство, воодушевленное успехами хлебозаготовок, наметило на 1932 г. план в 29,5 млн т. А на Украине между тем появлялись первые признаки «критической продовольственной ситуации». Этот эвфемизм, употребленный украинским ЦК, на самом деле означал голод.

Назревал и становился неизбежным конфликт между идущими на всяческие уловки во имя сохранения части урожая крестьянами, с одной стороны, и властями, обязанными любой ценой выполнить план по хлебозаготовкам, — с другой. Заготовки 1932 г. протекали очень медленно. С началом новой жатвы крестьяне, часто в сговоре со своими руководителями, стремились пустить в употребление или припрятать все, что только можно. Власти тотчас же вознегодовали по поводу «разбазаривания народного богатства». 7 августа 1932 г. был издан закон, позволявший приговаривать к высылке сроком до 10 лет за всякое мошенничество в ущерб колхозу. Осенью 1932 г. правительство собралось нанести решительный удар по колхозникам, которые, по словам Сталина, целыми отрядами выступали против Советского государства. В соответствии с законом от 7 августа и статьей 58 Уголовного кодекса (которая позволяла осудить всякого, кто совершил какое-либо действие, подрывающее советскую власть) десятки тысяч колхозников были арестованы за самовольное срезание небольшого количества колосьев ржи или пшеницы. О размахе репрессий 'может свидетельствовать секретный циркуляр, датированный 8 мая 1933 г. В нем указывалось на необходимость навести порядок в производстве арестов, совершаемых кем попало, разгрузить места заключения и в течение двух месяцев снизить общее число заключенных с 800 до 400 тыс. человек. Репрессиям подвергались не только рядовые колхозники, но и председатели колхозов. Только за 1932 г. 36% из них были смещены с должностей, и почти всем было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности, направленной на саботаж хлебозаготовок. Чистка коснулась и партийцев — примерно треть из них пострадала. Продотряды, осуществлявшие заготовки, совершали настоящие карательные экспедиции, прежде всего в зерновых районах. В

своих действиях они не останавливались даже перед изъятием всего колхозного зерна, в том числе выделенного на семена и оплату за работу.

Результатом этих действий был страшный голод, от которого погибло, главным образом на Украине, от 4 до 5 млн. человек. В отличие от 1921 г., когда голод был официально признан и власти обратились за международной помощью, на этот раз существование «критической продовольственной ситуации» в украинской деревне полностью отрицалось правительством. Сведения о массовом голоде скрывались даже внутри страны. В наиболее пострадавших районах воинские подразделения следили за тем, чтобы крестьяне не покидали свои деревни. В итоге массового ухода из деревень, как в 1921 — 1922 гг., не произошло. После этой катастрофы правительство признало необходимость пересмотра методов проведения заготовок. Были приняты шаги по централизации и объединению разрозненных органов в единый комитет по заготовкам (Комзаг), подчинявшийся непосредственно Совету Народных Комиссаров. Этими действиями руководство признало первостепенную значимость ежегодной хлебозаготовительной кампании, являвшейся, по словам Кирова, концентрированным выражением всей политики в деревне, пробным камнем нашей силы и слабости, силы и слабости наших врагов. Были произведены также преобразования в структуре органов управления. Сознавались политотделы, состоящие из проверенных людей, имеющих все основания «гордиться» своим богатым опытом работы, чаще всего в органах госбезопасности или в армии. Политотделы руководили деятельностью машинно-тракторных станций, являвшихся основными органами контроля за сельскохозяйственным производством, а также «присматривали» за местными партийными инстанциями, считавшимися чересчур либеральными по отношению к крестьянам.

Наконец, по Постановлению от 19 января 1933 г. заготовки становились составной частью обязательного налога, взимаемого государством и не подлежащего пересмотру местными властями. Эта мера в принципе должна была защитить колхозы от бесконтрольных многократных обложений, произвольно назначаемых местными властями. Но на самом деле, не снижая размера отчислений в пользу государства, постановление лишь утяжелило участь крестьян. В придачу к налогу колхозники обязывались оплачивать натурой услуги, предоставляемые им через МТС. Этот весьма значительный сбор давал в 1930-е годы минимум 50% хлебозаготовок. Сверх того государство полностью брало на себя контроль за размерами посевных площадей и урожая в колхозах, несмотря на то что они, как предполагалось по их уставу, являлись социалистическими кооперативами и подчинялись только общему собранию колхозников. Размер государственного налога при этом определялся исходя из желаемого результата, а не из объективных данных.

Наконец, чтобы закрыть всякую лазейку, через которую продукция могла бы уйти из-под контроля государства, в марте 1934 г. было издано постановление, по которому, пока район не выполнит план по хлебозаготовкам, 90% намолоченного зерна отдавалось государству, а оставшиеся 10% распределялись среди колхозников в качестве аванса за работу. Открытие колхозных рынков, легализованных с лета 1932 г. с целью смягчения катастрофической ситуации с продовольствием в городах, также зависело от того, справлялись ли колхозы района с выполнением плана. Для установления полного контроля государства над деревней оставалось коллективизировать 5 млн. сохранившихся еще к началу 1934 г. единоличных хозяйств. На июльском (1934 г.) пленуме ЦК существование этих 5 млн. «спекулянтов» было признано неприемлемым. Власти объявили об установлении исключительно высокого денежного обложения крестьян-частников. Кроме того, размер государственного налога был увеличен для них на 50% и в таком виде значительно превосходил уровень платежеспособности мелких производителей. Для частных оставалось только три выхода из этой ситуации: уйти в город, вступить в колхоз или стать наемным рабочим в совхозе. На Втором съезде колхозников (по существу, колхозных активистов), проходившем в феврале 1935 г., Сталин с гордостью заявил, что 98% всех обрабатываемых земель в стране уже являются социалистической собственностью.

В том же 1935 г. государство изъяло у села более 45% всей сельскохозяйственной продукции, т.е. в три раза больше, чем в 1928 г. Производство зерна при этом

снизилось, несмотря на рост посевных площадей, на 15% по сравнению с последними годами нэпа. Продукция животноводства едва составила 60% уровня 1928 г.

За пять лет государству удалось провести «блестящую» операцию по вымогательству сельхозпродукции, покупая ее по смехотворно низким ценам, едва покрывавшим 20% себестоимости. Эта операция сопровождалась небывало широким применением принудительных мер, которые содействовали усилению полицейско-оюрократического характера режима. Насилие по отношению к крестьянам позволяло оттачивать те методы репрессий, которые позже были применены к другим общественным группам. В ответ на принуждение крестьяне работали все хуже, поскольку земля, по существу, им не принадлежала. Государству пришлось внимательно следить за всеми процессами крестьянской деятельности, которые во все времена и во всех странах весьма успешно осуществлялись самими крестьянами: пахотой, севом, жатвой, обмолотом и т.д. Лишенные всех прав, самостоятельности и всякой инициативы, колхозы были обречены на застой. А колхозники, перестав быть хозяевами, превращались в граждан второго сорта.